

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

НОЧЬ СВЕТЛА РАССКАЗ О ЛЮБВИ

Памяти моего друга Володи Ефремова

Это было в августе, на исходе лета, уже после районной педагогической конференции. К тому времени молодые педагоги, выпускники провинциальных пединститутов, обычно приезжают в школу. Став где-нибудь на квартиру в этом маленьком городке, где с незапамятных дней жили и живут все те же 4,3 тысячи человек, они будут бегать на свои уроки, давать часы за 72 рубля в месяц. И при этом вспоминать добрым словом вождей, которые собирались поставить учителя на такую высоту, на какой он еще не стоял и стоять не будет в нашем цивилизованном мире.

* * *

Елена приехала в середине месяца и нашла себе квартиру на той же улице, где и школа. Через несколько дней домой сюда, к хозяйке Елены, прибыл из соседнего Курска сын ее Владимир-юрист, тоже выпускник, но столичного, Московского госуниверситета, с юрфака. Едва увидев Елену, он тут же стал оказывать ей знаки внимания, говорить многозначительно, с паузами. Завтра, видите ли, он должен уезжать в свой Курск, выходить на работу, а сегодня, по его разумению, вполне бы могло состояться его объяснение с Еленой – француженкой, ныне преподавателем французского языка в здеш-

ней средней школе. И он с волнением ждал вечера, чтобы провести его с Еленой на лоне природы. В подходящей обстановке, ну, например, в Тиняковском саду за территорией городка, где вплотную к нему примыкают сельхозгодья коллективного предприятия «Прогресс».

Владимир тщательно утюжит брюки, подбирает галстук к модной своей московской рубашке и краем уха жаждет уловить ее шаги за калиткой. Вместо этого появляется Людвиг – его школьный дружок, которому он лично еще в детстве добавил к имени ван Бетховен, и стал Людвиг у него Ваней. Владимир всегда считал его лохом: пишет неизвестно какие стихи – на луну, мурлычет под нос себе какие-то песни – авторские.

— Привет, Володя, — входит в комнату этот Людвиг ван Бетховен.

— Привет, Ваня, — сдержанно отвечает Владимир. — Ну, и как ты? Что, как говорится, почему? — Но тут же смягчается, говорит Ване дружески, но по-прежнему свысока: — Хочешь я тебя, дай вот зацеплюсь, в детскую комнату милиции в Курске определю?

— Да нет, что ты, — отмахивается от него Ваня. — Я в деревню хочу, 69 рублей за ставку, плюс 5 рублей за керосин для освещения, плата за квартиру у какой-нибудь старушки – божьего одуванчика...

— Ты что, смеешься? — отставляет утюг Владимир. — С твоими-то амбициями, талантами!

— Я в народ хочу. Поближе к первородному языку, — улыбается Ваня. — У меня же за плечами истфил... Русский язык, литература и история – с пятого по десятый...

— Ого, высший класс, — говорит еще более иронично Владимир, с беспокойством поглядывая, как быстро темнеет окно, надвигаются сумерки.

Владимир опять кладет брюки на стол и, собрав губы бантиком, принимается гладить то одну сторону брючины, то другую, делая тщательно стрелки. Но теперь Владимир уже молчит: слово – золото, молчание – серебро. Вот прицепился – Ваня этот, все никак не уйдет.

Когда волнуется, Владимир слегка посапыва-

ет, дергает носом, а от тела его начинает исходить терпкий такой, горьковато-тлеющий запах. Сам Владимир этого не замечает, мать знает и потому чаще меняет сыну рубахи.

Владимир гладит и гладит брюки, гладит и гладит. Людвиг, почувствовав стеночку между ними, нарушает молчание.

— В Америке, в Соединенных Штатах, — говорит он, заполняя паузу, — рубашки дюжинами покупают. Поносил и выбросил.

— А брюки? — поворачивается к нему Владимир и оставляет уют.

— До упаду гладят, — смеется Ваня. — До прожжения дыр. Греют утюги на керосинке, керосину не жалко.

— На пять рублей не раскупишься, — бурчит себе под нос Володя, Владимир-юрист.

— На керосине самолеты летают, — отвечает ему односложно Людвиг.

И тут раздаются легкие, быстрые такие шаги — вот и она, наконец, Елена — француженка.

— Прилетела? — озаряется лицо Владимира.

— Ласточка сизокрылая, — смеется Ваня, этот белобрысый, несчастный стихоплет, который лишний раз не прочь похвалиться, что он, видите ли, похож на Сергея Есенина.

На самом же деле хозяином положения по-прежнему чувствует себя ироничный Владимир, ибо знаком с Еленой уже третий день и имеет на нее виды.

— Так ты, Елена Сергеевна, как сюда — на самолете летела или пешком? — обращается к ней по-своей Владимир.

— Видишь под окном? Привезли на машине, — пожимает плечами Елена. — Я в Орел, в общезжитие, за своими вещичками ездила...

Все втроем они выходят из дому. Свободным, прогулочным шагом направляются в конец улицы, где сразу же начинается поле. Рожь недавно скосили и поле уже выпалили под зябь. Пройдя метров триста, перед высоченными тополями, окаймляющими Тиняковский сад, Елена замедляет шаг, а вскоре и вовсе приостанавливается. В сумеречном небе все яснее, все ярче обозначается круглый диск ночного светила — полная Луна над аллеей.

— Темная-то какая, — вглядывается Елена в глубину аллеи, — как у Бунина, — говорит она Владимиру тихим, неуверенным голосом.

Владимир берет ее под руку и решительно вторгается в пространство, отделяющее тополя от плодового сада. Людвиг вяло бредет следом за ними. При луне яблоки начинают присвечивать на ветках, отягощенно свисающих вниз.

Это, конечно, антоновка. Яровые сорта густо лежат под яблонями, устилая землю.

Людвиг смело выходит вперед.

— Ах, как пахнет! Ну, конечно, антоновка, — говорит он, увлекая за собой спутников.

— Конечно, конечно, так может пахнуть только антоновка, — чувствуя, как дрожит ее голос, попевает за ним Елена — француженка. — Конечно, во Франции, где-нибудь в Грассе, таких запахов не бывает. Это бывает только у нас тут, в серединной России...

— Проходи, проходи, — кивает Ване Владимир-юрист, слегка придерживая Елену Сергеевну. — А мы тут постоим, поговорим... Лена, послушай! Дай зацеплюсь в Курске, я приглашу тебя в детскую комнату милиции, хочешь?

— Поживем — увидим, — улыбается Лена.

Выбрав тень погуще, под самым высоким тополем, Владимир пытается приблизить ее к стволу — шершавому, мощному, похожему на эвкалипт где-нибудь в Австралии или хотя бы в Ботаническом саду Московского университета.

— Лена, Леночка, — говорит он ей на ухо, отделив каждое слово и достаточно громко, чтобы слов его не заглушили шорохи листьев от ночного ветерка. — Кстати, я учился с внуком Ворошилова... Да, что я хотел сказать тебе. Ну, что тебе делать в этой дыре? Слушать Ванины стихи, которые он пишет на луну — ветренный, легкомысленный Ваня. А я заберу тебя в большой город, мы будем приезжать сюда на своей машине, а Ваня пусть пишет здесь свои стихи, которые он будет нам читать в этом прекрасном саду.

— Вот ты назвал меня Лена, — говорит она, — а дома, между прочим, меня зовут Аленой.

Она высвобождает плечо от руки Владимира, проходит вперед, к антоновской яблоне, похожей сейчас тоже на эвкалипт, навстречу луне, которая, как известно, движет не только прибоями, но и целыми океанами. А Владимир, подняв у ног кем-то срубленный сук в виде тяжелой дубины, остается на месте.

— Ванечка, — выходит Елена на большую и круглую, залитую светом поляну, посередине которой стоит этот Людвиг ван Бетховен — будущий сельский учитель, молодой поэт, халиф на час. Ваня стоит, опустив голову.

— Почему поляна такая большая и круглая? — смотрит она на него.

— Со всех яблонь несут сюда яблоки, — поднимает он на нее сияющие глаза. — И люди едут сюда на подводах, машинах, приходят с корзинами. Я люблю, когда всего много — большие

огурцы, помидоры, люблю ночь, полную луну...

— Говорят, ты пишешь стихи, — смеется она.

— На Луну, — отвечает он.

— Ночь светла, — шепчет он ей, закрыв глаза.

И, запрокинув всего себя, поднимает голову, держит ее высоко-высоко: там небо, много-много всего: Луны, света, звезд. Полная Луна, магия ночи. А за всем этим пепельно-лунным светом много Бога, любви. Он чувствует: кто-то наблюдает за ним оттуда — это Третий Глаз, его личный Бог, ничей другой, а еще того человека, который сейчас тут, рядом с ним. Она стоит, слегка покачиваясь, как яблоневая ветка. Как весь земной шар где-то в космосе, как слова в его сердце, обращенном к Богу.

— Ночь светла, — подступает к горлу знакомая с детства мелодия, этот русский романс.

— Ночь светла, над рекой,

Тихо светит луна,

И блестит серебром

Голубая волна.

— Боже мой, Боже мой! — шепчет она. — Се манифик! Это прекрасно! Как хорошо!

А с губ его сами слетают звуки романса:

— «В эту ночь расцвели

Голубые цветы

Они в сердце моем

Пробудили мечты».

— Это любовь, это тайна, — говорит он ей.

«...К тебе грезой лечу, твое имя шепчу.

Милый друг, нежный друг,

по тебе я грущу».

— Ночь светла, — подходит она к Ване ближе, совсем близко, поляна кажется ей еще больше, круглее, наполненная чистым, божественным светом.

— Ночь светла, — летит его высокий, молодой голос по поляне, залитой белым.

— «В эту ночь при луне

на чужой стороне,

Милый друг, нежный друг, помни

ты обо мне».

— Любовь с первого взгляда, — приближается к ним Владимир.

— Магия этой поляны, тайна Луны, таинство Слова, мы когда-нибудь вспомним об этом, — говорит Ваня для всех и читает свои стихи:

— А я — про красоту на высоте,

Которая нам не дает упасть.

И их несет друг к другу непонятная сила, стихия любви. Они были молоды, искренни, любили, верили в себя. И знали, что все у них впереди, эта светлая ночь останется в них навсегда.

Где-то по ту сторону Малого города занималась заря. Начинался новый день. Все было у них впереди, впереди.

В то же утро Елена перенесла свои вещи на другую квартиру, к поэту.

г. Малоархангельск.

